

ГЕОРГИЙ МЕНГЛЕТ:

Культура. - 1997. -
78 сент. - с. 12

Актёрская жажда неутолима

Георгий Павлович Менглет — один из старейших российских актёров, и его смело можно назвать "живой историей" отечественного театра. Несмотря на почтенный возраст — вчера артисту исполнилось 85! — Георгий Павлович бодр и оптимистичен, до сих пор играет в Театре сатиры.

— Георгий Павлович, вы можете сказать: моя творческая биография началась там-то и тогда-то...

— В детстве и ранней юности я жил в очень театральном и очень мной любимом городе Воронеже. И творческая жизнь моя началась именно там и, в общем-то, довольно обыкновенно — в последних классах школы. У нас была замечательная учительница литературы, и однажды мы под ее руководством стали читать в лицах "Горе от ума". Я читал текст от Чацкого. Ну и, видимо, получилось, потому что Александра Ивановна (так звали учительницу) что-то во мне такое "актёрское" заметила и предложила нам поставить школьный спектакль, который неожиданно возымел большой успех. Смотреть его приходили даже из Воронежского драматического театра. И однажды ко мне подошел Шибубев, был в Воронеже такой прекрасный актёр, отозвал меня в сторону и сказал: "Я видел вас на сцене, вам надо ехать в Москву учиться". Я был не на седьмом — на десятом небе.

ми, не помнящими родства". И мне кажется, что наши крупнейшие деятели, открещиваясь от своего прошлого, совершают роковую ошибку, ошибку, которая еще отомстит за себя.

Сейчас, пусть никто на меня не обидится, ситуация иная. Как говорится, "тех же щей, да пожире влей"... По-моему, 200 театров, которые сейчас существуют в одной только Москве, — это все-таки многовато. Прежде всего потому, что не в каждом коллективе есть лидер — человек, которому есть, что сказать. Да и студий в тридцатые годы было поменьше, но они были крупнее что ли... Это, однако, не значит, что я пренебрежительно отношусь к театру, в котором существую сегодня. Боже сохрани! Несмотря на все разговоры об упадке русского театра, русский театр — великий театр (я до сих пор часто говорю "русский театр", подразумевая театр советский, союзный). Конечно, я не могу не видеть недостатков, но в то же время я высоко ценю и то хорошее, что в нем есть. Театр может быть плохим, так же, как плохой может быть книга, музыка, архитектура, даже мой

вспомнил. А сколько еще других! Актёрами наша страна богата. Посмотрите, какой молодец Табаков — он ведь и артист прекрасный, и режиссер неплохой, и к тому же оказался блистательным педагогом: молодых актёров возвращает на зависть всей России! И Безруков, и Миронов, и Машков, и Зудина...

— Чувствуется, что вам интересна современная театральная жизнь. А что вас в ней больше всего беспокоит?

— В последние годы — разнузданность и вседозволенность. Слава Богу, конечно, что нет цензуры. Но, оказавшись вдруг полными хозяевами положения, мы порой не умеем вовремя остановиться. Я, например, совсем не против эротического искусства. Но есть же мера, вкус, поэзия, в конце концов — не пустые же это слова!

Потом, огромное количество малопрофессиональных и малоодаренных "звезд". Смотришь телевизор: "Кто это? Звезда!" Как фамилия? Не знаю". Я люблю и всегда любил легкую музыку, но музыка серьезная у нас уж как-то слишком не в почете. Конечно, я не говорю о таких композиторах, как Шнитке или недавно ушедший от нас Денисов... А в массовом искусстве — на эстраде, телевидении, да и в театре тоже, все куда-то торопится: спялал быстренько и побежал дальше.

— Даже термин появился —

Фото Г. МЕНГЛЕТА

Г. Менглет с женой Н. Архиповой

Поехал в Москву, в ГИТИС, и поступил с первого же захода, без всяких осложнений. В институте познакомился и сразу же влюбился в фантастического, гениального, потрясающего Алексея Денисовича Дикого. Когда я впервые увидел, как он играет, то просто обалдел: сколько темперамента, отдачи, смысла, шарма! Через несколько лет был организован театр Дикого и, конечно, я мечтал попасть туда. И мне опять повезло: в первой же постановке Дикого я получил главную роль. По сути, он и стал моим настоящим учителем.

В тот период Москва была настоящей театральной Меккой — изобилие талантов, фантазии, поиска новых форм. Тридцатые годы — это Станиславский, Немирович-Данченко, Вахтангов, Мейерхольд, Марджанов, Охлопков, естественно, мой любимый Алексей Денисович Дикий... Дай Бог, если я перечислил треть великих режиссёров, которые творили в то время, и каждый из них был не просто явлением — направлением в искусстве. Я не говорю уже о целой плеяде великих актёров. Чего стоит один Художественный театр: Качалов, Москвин, Леонидов, Топорков, Добронравов...

Мне очень повезло в том, что как актёр начал формироваться именно в тридцатые годы. Я не принадлежу к тому типу людей, которых называют "Ивана-

любимый футбол (на плохом футбольном матче можно и уснуть, а на хорошем изведешься просто почти до инфаркта). Но хороший театр велик всегда — это однозначно.

— А что вы вкладываете в понятие "хороший театр"?

— Мне кажется, самое главное — чтобы зритель всегда ощущал присутствие на сцене живого человека, такого, чтоб хотелось ему поверить. Даже если это сугубо условный спектакль. И потом, обязательно должно присутствовать режиссёрское решение драматургического материала. Я, приходя в театр, должен понимать, зачем это ставится, почему именно сегодня и почему именно так, а не иначе. Форма, выражающая содержание, и живой человек — вот, по-моему, основные компоненты хорошего театра. Стало уже банальным говорить, что "актёр должен не казаться, а быть". И на первый взгляд это легко — "не казаться", но по сути это самое трудное в нашей профессии... И именно этим умением "быть", жить на сцене, определяется, на мой взгляд, величие актёра. Никогда нельзя было поймать на лжи Иннокентия Смоктуновского, Анатолия Папанова. Ни в одной роли, нельзя обвинить в нечеловечности, "неживости" замечательную нашу актрису, бесконечно талантливую Татьяну Васильеву. Это я называю только тех, кто вот так сразу

"видеоклипное мышление".

— А театр не терпит этой видеоклипности. Он ведь, проклятый, заставляет работать...

Я не знаю ни одного актёра, который был бы безразличен к своей профессии. Казалось бы, нет репетиции или спектакля — и слава Богу — отдыхай, наслаждайся жизнью. Так, наоборот, страдают... Вы бы знали, какая это мука, когда вывешивают распределение ролей в новой постановке, а ты не занят! Сразу мысли ползут: "Как? Почему? Я ведь могу ещё!". У всех актёров, как бы много они ни играли, всегда остаются несыгранные роли, и я не исключение. Хотя прожил, не будет преувеличением сказать, долгую жизнь, сыграл больше двухсот ролей... Но жажда-то актёрская неутолима!

— Георгий Павлович, как вам удается сохранять бодрость и жизнелюбие? Поделитесь секретом.

— Никакого секрета нет. Ко всему, что тебе дорого в жизни, будь то семья или профессия, надо относиться с максимальной отдачей и любовью. Не все чувства украшают нас, но, по-моему, самое страшное — это равнодушие. Лучше уж где-то вспылить... И еще я независтливый человек. Всю жизнь стараюсь культивировать в себе Любовь во всех ее проявлениях.

Беседу вел
Наталья ПОДЗИГУН

300